

ДЕАНТРОПОНИМНЫЕ ТОПОНИМЫ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Территория пограничья является специфическим ареалом, несмотря на то, что понятие «языковое пограничье» или «культурное пограничье» не нашло однозначного определения в трудах исследователей. Согласно дефиниции А.Клосковской, «пограничье представляет собой любое соседство национальных культур, которое может вытекать из национально и этнически смешанной генеалогии и супружества, с принадлежности к национальному или этническому меньшинству на территории, где доминирует другая национальная культура, из эмиграционной ситуации, а также из индивидуального национального преобразования или перехода от одного национального самоопределения к другому, которое не может означать сплошного прерывания предшествующих культурных связей» [Kłoskowska 1996: 125].

В соответствии с таким пониманием пограничья можем квалифицировать территорию Западной Гродненщины, которая с начала заселения не была однородной ни с этнической, ни с языковой, ни с культурной точек зрения.

Согласно историческим данным, с древности данная территория была местом взаимодействия балтийских и славянских племен, в силу чего заслуживает особого внимания, поскольку этот регион связан с целым комплексом проблем изучения реликтов исчезнувших западнобалтских языков и диалектов. В XIII веке вдоль Свислочи и Немана проходила ятвяжско-русская граница, о чем свидетельствуют многочисленные гидронимы и топонимы, расположенные на правом берегу Немана. До настоящего времени территория Понеманья представляет собой вибрационную языковую зону [Непокупный 1974:75]. В работах А.П.Непокупного выявлены топонимические изоглоссы Дайнава и Ятвезь, которые проходят вдоль течений Нарева, Бебжи и верховьев Немана. Исторически Гродненщина была одним из регионов прусской эмиграции [Непокупный 1976].

Одним из проявлений сложных языковых и этнических процессов являются ономастические единицы. На основе географических названий польский историк Е.Якубовский реконструирует этнический характер данной территории [Jakubowski 1935]. Ономастические данные позволили исследователю определить этнический состав населения как смешанный литовско-белорусский с преобладанием белорусского элемента. Историк отмечает, что в XVI веке на данной территории наступила сплошная языковая ассимиляция двух этнических групп. Разговорным языком стал белорусский, а этническое различие выражалось в вероисповедании: литвины были католиками, в то время как белорусы православными. Польского элемента на данной территории было немного,

однако влияние польской культуры было значительным: в повете, как и во всем Великом княжестве Литовском, польский язык был языком высшего сословия. [Jakubowski 1935].

Особого внимания заслуживают данные польского историка Е. Висьневского о расселении рыцарских родов в Гродненском повете. Как отмечает исследователь, скопление поселений рыцарей, протянувшихся выразительной полосой вдоль реки Свислочь, которая еще с конца XIV в. служила преградой дороги на восток, указывает на их целесообразность. Подобный тип размещения рыцарей формировался на Мазовше в конце XIV– начале XV вв., что позволяет отнести начало поселений указанных родов над Свислочью и под Крынками к этому периоду [Wiśniewski 1977: 28]. «Поскольку, – пишет Е. Висьневский, – это было время правления великого князя Витовта, можно предположить, что инициатором, по крайней мере, части из них, был князь Витовт» [Wiśniewski 1977: 28]. По мнению исследователя, можно допустить, что многочисленные шляхетские околицы за Неманом около Гродно и Лиды, а также с южной стороны Немана над Свислочью были поселениями ятвяжских рыцарей, во всяком случае, их часть: *Почобуты, Гобяты, Бильвины, Цыдзики, Саросеги, Толочки, Эйсмонты* и др. [Wiśniewski 1977: 28].

Ойконимы белорусского ареала исторически связаны с аналогичными топонимами на приграничье с польской стороны, где шляхетские околицы (*Bilwiny, Kundzicze, Malawicze*) соседствуют с крестьянскими католическими и православными деревнями. О том, что данную территорию можно рассматривать как единое целое, свидетельствуют и многочисленные родственные связи между шляхетскими семьями по обе стороны границы [Sawaniewska-Mechnowa, Zielińska 2007: 49].

Рассмотрим наименования, производные от антропонимов, зафиксированные на территории Западной Гродненщины. Языковой базой исследования послужили памятники письменности XVI – XVII вв., а также материалы, собранные автором во время полевых экспедиций в 2007 – 2010 гг. на территории белорусско-польского пограничья.

В рассмотренном материале с историко-этимологической точки зрения выделяются разные по характеру и времени происхождения пласты. Обширную группу составляют ойконимы балтийского и славянского происхождения, образованные от апеллятивных личных имен и прозвищ нарицательного характера. Значительную часть составляет группа ойконимов, в основе которых лежат христианские иноязычные имена, появившиеся в процессе принятия христианства. К третьей группе можно отнести ойконимы, образованные от древних сложных и возникших на базе их компонентов кратких имен, вытекающих из общеиндоевропейского или «древнеевропейского»

состояния. Данная группа онимов является самой сложной, не поддающейся однозначному толкованию. Рассмотрим каждую группу.

1. **Деантропонимные топонимы славянского происхождения.** Среди ойконимов славянского происхождения выделяется 3 основных группы наименований: а) родовые наименования, б) патронимические; в) принадлежностные названия.

1.1. Значительную группу составляют родовые наименования, в основах которых фиксируется коллективное название основателей поселения по имени или фамилии их общего предка. На стадии возникновения такие названия обозначали группу людей по их общему имени, «которым они пользовались совместно как члены одного рода или которым их именовали со стороны» [Kondratiuk 1985: 70]. С исторической точки зрения в данной группе можно выделить:

а) названия, образованные от восточнославянских личных имен и прозвищ по модели *pluralia tantum*: **Белакозы** <Белакоз; **Верабейкі** < Верабейка; **Хвосты** <Хвост; **Калеснікі** <Калеснік; **Лойкі** < Лойка <Лой (ср. в.-слав. сп. лой ‘топленое сало; свечное сало’) [Даль, II, 1979: 264], **Салаўі** < Салавей; **Скамарохі** (Скамарошкі) < Скамарох; **Сугакі** < Сугак (ср. рег. сугак ‘костяное или деревянное плоское шило для подплетения лаптей’), ‘тонкий, худой человек’ [Бірыла 1969: 396].

б) названия от прозвищ польского происхождения: **Zareby**, ср. польск. *Zareba*; **Zarudawie**, ср. польск. *Zaroda, Zarod-kiewicz, Zarodziński, Zarodny; Zaród, Zaródski, Zarudzki* [Rymut 2001: 726].

в) названия, общие для восточнославянских и польского языков: **Клачкі**, ср. блр. *Клачко, Клочка, Клачкы* [Бірыла 1969: 205]; польск. *Klocza, Kloczko, Kloczkowski*, ср. ап. *kloc* ‘большой кусок дерева, колода’ [Rymut 1999: 410]; **Навасады** <*Навасад*, ср. блр. *Навасад* ‘новый поселенец, переселенец из другой местности’ [Бірыла 1969: 294]; польск. *Nowosad* 1545 – от *nowo + sadzać* [Rymut 2001: 163]; **Рудаки** < *Рудак*.

1.2. Другую группу составляют патронимические ойконимы, реализующие модель ‘местожительство семьи’. Вслед за Н.В.Бирилло к отпатронимным мы относим ойконимы на *-ичи, -ицы, -овичи/-евичи, -иничи/-ыничи, -онки/-ёнки, -аты/-яты, -еняты, -енки* от собственных имен и прозвищ. В рассматриваемом материале значительно представлены патронимические ойконимы, образованные от славянских сложных имен, имен-прозвищ и фамилий: **Баранавічы** < Баран, **Бабынічы** < Бабыня; **Брыкавічы** < Брык; **Бялевічы** < Белы, **Вялічкавічы** < Вялічка, **Глядавічы** < Гляд; **Галавачэвічы** < Галавач; **Галаўнічы** < Галаўня; **Жылічы** < *Жыль* (Жыліч), **Завадзічы** < Завада, **Зубавічы** < *Зубаў* < *Зуб*, **Кісялевічы** < *Кісель*; **Карэневічы** < *Корань*; **Прыступічы** < *Прыступа*, **Пузычы** (*Пузічы*) < *Пуза*; **Пыхоўчыцы** < *Пыхоўка*, **Ракавічы** < *Рак*, **Рацічы** < *Раць* (: Ратимир, Ратибор), **Семяронки**

< Семяронак, *Сухмяневічы* < *Сухмень*, *Сукавічы* < *Сукаў*, *Цыбулевічы* < *Цыбуля*, *Шчэрбавічы* < *Шчэрба*.

Среди патронимических ойконимов, мотивированных апеллятивами, отмечены также шляхетские околицы:

Абуховічы: *Иванъ Игнатовичъ з Обуховичъ* 1567 [ЛМ 1914: 681]; *Oth grunthow boyar Obuchoczow* 1558 [ПКГ 1881: 43].

Арэхаўічы (Арэшкавічы): *Pan Józef Orzechowicz* 1765 [АВАК 1874: 402].

Гушчыцы: *Гуцин Грин* Городенского пов. 1528, 231; ср. польск. *Huszczicz* 1551; *Makar Huszcza* 1545 [SHN 1997: 120]; *Pan Tadeusz Huszcza* 1765 [АВАК 1874: 414].

Равяцічы: *Voiar Rewiacic* 1558 [ПКГ 1881: 280]. Ср. блр. *Равяка* < *равяка* 'тот, кто ревет' [Бірыла 1969: 344]; арх. *ревяк* 'вид рыбы', *ревякин* 'шуточное прозвище медведя', семейное прозвание [Даль, IV, 1980: 89].

Тужэвічы (Тужэўляны). По мнению В.А.Жучкевича, ойконим образован от древнерусских слов *тужить* 'горевать', *тужбица* 'горемыка; плакальщица', производных от основы *туга* [Жучкевич 1974: 379]. Ср. лит. *Tuzas, Tūzinas*, блр. *Тузин*, лит. ап. *tūžimas* 'злоба, ярость', *tužinti* 'злить, раздирать'.

1.3. Третья группа ойконимов реализует модель 'местожительство владельца поселения'. Данные названия определяются исследователями как посессивные и характеризуются по признаку наличия в структуре формантов *-ово/-ево/-ёво*, *-овка/-евка/-ёвка*, *-щина*, *-овщина/-евщина*, *-ин*, *-ина*.

Значительную часть в данной группе составляют ойконимы, мотивированные прозвищами: *Абухава* < *Абух*, *Бакаларава* < польск. *Bakalarz* < ст.-польск. *bakalarz* 'учитель' [Румут 1999: 15]; *Баранава* < *Баран*; *Бердава* < *Берда* (ср. *бердо* 'часть ткацкого станка, род гребня') [Даль, I, 1978: 81], *Бубнава* < *Бубно*, *Бубен*, *Каханова* < *Кохан*, *Ліскава* < *Лісько*, *Мазанава* < *Мазан*, *Палоскава* < *Палоска*, *Палаткова* < *Палатка*, *Пачынкаў* < *Пачынак*, *Поразава* < *Пораз* (Полаз); *Пузава* < *Пуза*, *Сколабава* < *Сколаб* (ср. диал. *сколобить*, *сколобанить* – «смять, свалить колобом») [Даль, IV, 1980: 201], *Страшава* < *Страх*, *Страшак*, *Хойнава*, ср. польск. *Choja, Chojak, Chojna* < *choja, choina* [Румут 1999: 80], *Храпава* < *Храп*.

В меньшей степени представлены ойконимы, образованные с помощью суффиксов *-овщина/-овиц)изна*, широко распространенные на польской территории [Safarewiczowa 1956], ср. *Вайцехаўишчызна*, *Зброжскаўишчызна* < *Zbrożek* < *Zbroślaw*, *Злобаўишчызна* < *Злоба*, *Кунцаўишчызна* < *Кунц*; *Унучкаўишчызна* < *Унук*, *Унучак*, *Чэхаўишчызна* < *Чех*.

Спорадически отмечены ойконимы на *-ин/-ино*: *Калбасіно*, *Старажыно*, *Мальшичын*, *Струпи́на*; наименования, равные двусловным именам: *Гарадзіслаў*, а также ойконимы на

-аны/-яны, мотивированные славянскими антропонимами: *Растаўляны* (ср. слав. имена типа польск. *Rościsław*, чеш. *Rostislav*).

2. Деантропонимные топонимы балтийского происхождения.

Среди топонимов балтийского происхождения можно выделить:

а) ойконимы, образованные от древних сложных имен индоевропейского типа (в терминологии Т.Милевского) и их сокращенных форм по модели *pluralia tantum*; б) ойконимы, образованные от личных имен и прозвищ; в) ойконимы, сохранившие литовскую словообразовательную структуру; г) балтийские названия, адаптированные к славянским языкам.

2.1. Ойконимы от древних сложных имен индоевропейского типа:

Даў-спуд-ы. Название мотивировано древним двучленным именем балтийского происхождения. Первый компонент *Dau(g)*- представлен в литовских именах: *Daĩ-bara*, *Daĩ-baris*, *Daĩ-bartas*, *Daĩ-beras*, *Daĩ-boras*, *Daĩ-deras*, *Daĩ-gálas*, *Daĩ-gintas*. Данная основа связана с лит. *daĩg* – ‘много’ [LPZ 1985: 470]. Постпозитивный компонент соотносится с гнездом родственных слов: лит. *spūdinti* ‘идти (потихоньку, поджав хвост); волочиться, тащиться’, *spūdis* ‘давление, нажим, напор’, ср. литовские антропонимы: *Spūd-vilas*, *Spūdỹs*, *Spūdas*, *Spūdis* [LPZ 1989: 786–787].

Эйс-ы-манты (Ейсимонты, Esmonty, Eysymonty, Eysymaty). *Эйсыманты Вялікія*, *Эйсыманты Малыя* (3). Ок. шл. основаны ятвяжскими рыцарями в XVI в. [Wiśniewski 1977: 28]: *Венславъ Торкачь Ейсимонтъ з ыменя своего у Ейсимонтахъ* 1567 [ЛМ 1914: 695]. В основе ойконима лежит древнее сложное имя. Первый компонент *Aĩs-(Eis-)* связан с гнездом генетически родственных слов, возникших на базе и.-е. корня **eis-*, ср. лит. *eĩti* ‘идти’, *jóti* ‘ехать (верхом)’; *eid-lus* ‘ходкий’, *eig-a* ‘ходьба’; др.-прусск. *ēisei* ‘идти’; др.-исл. *eisa* ‘бежать вперед’; др.-инд. *uĩ* ‘идти, ходить, ехать’, *uĩnas* ‘путь, дорога’ [Юркенас 2003: 73–74]. Данная основа широко представлена в древней антропонимии, гидронимии: ср. антропонимы: др.-прусск. *Ey-mant* [Trautmann 1925: 27]; лит. *Aĩs-mant-as*, *Ais-ment-as*, *Áis-mintas*, *Aĩs-montas*, *Aĩs-muntas*, *Eĩs-mantas*, *Eĩs-mintas*; *Eĩs-monta*; *Eis-ì-mont-as*; *Eĩs-montas*; *Eis-mont-ovičius*; *Eĩs-muntas*; *Eiř-i-mont-as*; *Eiř-i-mant-as*; *Eiř-mont-as*; *Jař-manta*; *Jāř-mantas*; *Jāř-montas*; *Jeř-montas*; *Jēř-montas*; *Jiēř-manta*; *Jiēř-mantas*; *Jiēř-mant-āvičius* и др. [LPZ 1985 – 1989 : 70; 562]; польск. *Ei-mont*, *Eis-ment-owicz*; *Eis-mond*, *Eis-mont*, *Eis-mund*, *Eis-munt*, *Eis-y-mont*, *Ej-mond*, *Ej-mont*, *Ej-montt*, *Ejs-ment-ewicz*, *Ejs-ment-owicz*; *Ejs-mond*, *Ejs-mondt*, *Ejs-mont*, *Ejs-mont-owicz*, *Ejs-montt*, *Ejs-mund*, *Ejs-mundt*, *Ejs-munt*, *Ejs-munt-owicz*, *Ejs-muntt*, *Ejss-mont*, *Ejss-ymont*, *Ejsy-mond*, *Ejsy-mont*, *Ejsy-montt*, *Ejzy-mont*, *Es-mant-owicz*, *Es-mat*, *Es-mont*, *Es-mund*, *Ey-mont*, *Ey-montt*, *Eys-ì-mont*, *Eys-ì-munt*, *Eys-mont*, *Eys-montt*; *Eysy-mont*, *Eysy-month*, *Eysy-montt*, *Eysy-muntt* [SNW, III, 1993 : 12-15, 34-

35, 40]; гидронимы: лит. *Aistà, Aĩsė, Aĩsetas, Aĩsetà*; лтш. *Aiša, Aišāte*; др.-прусс. *Ayssen* [Vanagas 1981: 36].

Второй компонент *Man(t)*- связан с индоевропейским корнем **men*, на базе которого возник ряд родственных слов: ст.-слав. *тѣнѣти*, русск. *мнить, помнить*; лит. *mintùs* ‘мысль’; *minėti* ‘вспоминать’, *manyti* ‘думать, предполагать’, *mantùs* ‘смышленный’; гот. *man* ‘полагаю’, *munan* ‘думать, воспринимать’, *gamunds* ‘память’; др.-инд. *mānas* ‘мысль, ум’, греч. *μένος* ‘сила, мощь; мысль, намерение’, *μάντις* ‘прорицатель, пророк’. Как отмечает Ю.Юркенас, «основы со значением “мышление”, возникшие на базе корня **men*, обозначали человека как разумное, думающее существо, в силу чего широко использовались в качестве личных имен почти всеми индоевропейскими народами» [Юркенас 2003: 138].

Генюшы (Геніушы, Кгінюшы). Ок. шл. *Матысь Болтроевичъ з Кгінюшовъ* 1567 [ЛМ 1914: 688]. В основе наименования лежит антропоним, образованный на базе древних двучленных имен в результате сокращения одного компонента, ср.: *Gén-tautas, Gén-tilas; Al-genas, Aũ-genas, Eĩ-genas*; сокращенные литовские имена: *Ginius, Ginys, Gėniušas, Gėniušis*. По мнению исследователей, компонент *Gep-/Gan-* является прусским наследием, ср. др.-прусс. *Aw-gons, Daw-gon; Ganath, Gannot; Ganette; Ganicke*; лит. *Gan-gaila* [Trautmann 1925: 137]. Данная антропонимика связана с гнездом родственных слов: лит. *genù* ‘гнать’, *ginti* ‘защищать’, *gauti* ‘насти, беречь’, прусск. *guntwei* ‘гнать’, ст.-слав. *гънати*, др.-инд. *hanti* ‘бьет’ [Юркенас 2003: 95].

2.2. Наименования от балтийских имен и прозвищ:

Вігры. В основе названия лежит антропоним балтийского происхождения, ср. лит. антр. *Wigrāitis* < *vigrūs* ‘извилистый’ [LPZ 1989: 1208].

Вількінікі. Наименование восходит к апеллятивному антропониму, ср. польск. *Wilk*, лит. *Vilkinas, Vilkinis, Vi□kas*; лтш. *Viļķins*; лит. *vi□kas* ‘волк’ [LPZ 1989: 1217-1218]; польск. *wilk*.

Габяты (Гобялтич, Кгобятичъ). Ок. шл. (3 д. и 2 двора, владельцами которых являются Эйсмонты) [Kondratiuk 1985: 33]. *Есько Ворошиловичъ з ыменя своего з Кгобялтичъ* 1567 [ЛМ 1914: 696]; ср. др.-прусс. *Gubiniten* 1259 < *Gōb-*; лит. *Gobė, Góbužas*, др.-прусс. *Gobis* 1260; антр. *Gubike* 1299, *Gobayn* < прусск. *gōb-*, *pergūbons* ‘возвращение’ [Buga 1961: 144]. Ср. литовские фамилии: *Gabėtà, Gabietà, Gobietà, Gābis, Gabys, Gōbys, Gobys, Guōbis*. Литовские исследователи этимологию данных антропонимов связывают с апеллятивами: лит. *gōbti* ‘окутывать, покрывать’, *gabùs* ‘способный, одаренный’, *gioba* ‘вяз, ильм, берест’ [LPZ 1985: 744].

Дайліды. Наименование мотивировано апеллятивным антропонимом, ср. лит. *Dailidà, Dailydà, Dailidė, Dailỹdė, Dailidis, Dailidkà, Dailitka* от ап. *dailidė* – ‘плотник’ [LPZ 1985: 445-446]. Ср. литовские топонимы: *Dailidėnai, Dailidės, Dailydiškės* [LPZ 1985: 52].

Дарг-унд-ы (Дворгунты, Доргунь). В основе названия лежит литовский антропоним типа: *Dárgis, Dargỹs < dargũs* ‘ненастный, слякотный; мерзкий; злой, раздражительный’ [LPZ 1985: 462]. Суффикс *-unt (-ant, -ent, -int)* распространен в балтийской онимии [Trautmann 1925: 184].

Кордзікі. Ср. др.-прусс. *Cordene* [Trautmann 1925: 48]; лит. *Kárdas, Kardėlis, Kardis*; др.-инд. *Kīrti, Kīrti-varman*. Онимы восходят к гнезду родственных слов: лит. ап. *kardas* ‘отзвук; эхо’; др.-прусс. *kirdit* ‘слышать’ [Юркенас 2003: 105].

Нямейшы (Намейкшы). Ср. лит. *Nemeĩkšis, Nemeĩkša*. Антропонимы, на базе которого возник ойконим, вероятно, связаны с лит. ап. *nemėigša, nemėigėlis* ‘слабый, немощный; плохой, жалкий, скудный, бедный’ [LPZ 1989: 318].

Трумпы. В основе наименования лежат литовские антропонимы типа: *Trùmpa, Trumpà, Trump-is < лит. tru□pas* ‘короткий’ [LPZ 1989: 1073]. Ср. др.-прусс. *Trumpis* 1349, *Trumpe* 1360, *Trumpa* 1355, топ. *Trumiten*; литовские топонимы: *Trumpaičiai, Trumpėnai* [LTSR 1976: 108].

2.3. Ойконимы, сохранившие литовскую словообразовательную структуру.

2.3.1.-ей/-ейки.

Отмечены ойконимы балтийского происхождения с суффиксом *-ейки < eika, -eikis (-eikiai, -eikos)*, который в литовском языке имеет пейоративное значение:

Вейс-ей. Название, вероятно, восходит к древним литовским именам типа: *Veĩs-gelas, Veĩs-manas, Veĩs-mantas, Veĩsas* [Zinkevičius 2008: 158]. Ср. др.-прусс. антропонимы: *Waysebuth, Wayse-gaw, Ways-nar (Waysse-nore); Ways-tauthe; Gawde-ways, Nar-wais, Waysete, Waysil, Waysim, Waysuthe* [Trautmann 1925: 155]. Ср. гидр.: лит. *Veis-iėjis*, лтш. антр. *Veisis*, нем. *Weiss* [LPZ 1989: 1181]; др.-прусс. *Weys-icke, Weys-en, Weis-pelke* [Савукина 1966: 170].

Нар-эйкі. *Pan Franciszek Nareyko* 1765 [АВАК 1874: 408]. В основе ойконима лежит антропоним балтийского происхождения, ср. др.-прусс. *Nore-munt, Noriko, Norim, Noryn, Nor-mans, Nor-moke, Noron, Norun, Nor-wig* [Trautmann 1925: 72]; лит. *Norėika, Noreikas, Noreĩkis*. Компонент *Nor-*, по мнению исследователей, связан с лит. *norėti, nóras* ‘хотеть, желать’ [LPZ 1989: 332-333].

Рум-ейкі. Ойконим мотивирован антропонимом балтийского происхождения, ср. лит. *Rumeikis, Romėika < из лит. romũs* ‘кроткий, смиренный’ [LPZ 1989: 620].

Сядз-ейкі. Ойконим восходит к имени апеллятивного происхождения, ср. лит. *Sedėika*, *Sedeikà* < лит. *sedeikà* ‘домосед’ [LPZ 1989: 690].

Чыш-эйкі (*Ciszeiki*). Дв. шл. *Podlie gruntu boiaryna Cziessseika* 1558 [ПКГ 1881: 498]. Ср. др.-прусс. антр. *Thessim*, *Tessym*, *Tesim*, *Czesim*, *Czesune*, *Czyssune* [Trautmann 1925: 105]; др.-прусс. топ. *Tessen*, ср. лит. *tiesùs* ‘прямой, честный’ [Gerulis 1922: 182]. Суффикс *-eika* регулярно выделяется в составе литовских собственных и нарицательных имен, что свидетельствует о его балтийском происхождении.

2.3.2. -ишки. В меньшей степени представлены ойконимы на **-ишки** < *-iškė*, (мн. ч. *-iškes*), *-iškis* (мн. ч. *-iškai*). Суффикс *-ишки* на белорусской территории восходит к литовским топонимическим суффиксам: *-iškė*, (мн. ч. *-iškes*), *-iškis* (мн. ч. *-iškai*), используется для названий жителей по месту проживания или по имени родоначальника местности [Бірыла, Ванагас 1968: 12].

Верцялішкі. Корол. дв. Ср. *Вертолович Петр* Жамойтской земли 1528, 211. Ср. др.-прусс. *Asso-virt*, *Po-wirte*; *Wirtheil*; *Wirtil*; *Wirthen* < **Wirte*. Антропонимы, вероятно, связаны с корнем **Vart*, ср. др.-прусс. *Wart-wille*, *Jo wart*, *Warstenne*, *Warstune*, лит. *Vartuns*, др.-прусс. *aina-wārst* ‘один оборот’ [Trautmann 1925:155]. Ср. литовские двучленные личные имена: *Vér-kulas*, *Vér-ligas*, *Vér-lingas*, *Vér-mantas*, *Vér-motas*, *Vér-šilas*, *Vér-talas*, *Vér-telas* [Zinkievičius 2008: 159]; Первый компонент, вероятно связан с и.-е. **uer* ‘вертеть, поворачивать, вращать’, ср. польск. *Wroci-mir*.

Путрышкі. В основе ойконима лежит антропоним балтийского происхождения типа лит. *Putrà*, *Pùtris*, *Putrỹs*, лтш. *Putra* - от лит. ап. *putrà* ‘похлебка’, ср. лтш. *putra* то же [LPZ 1989: 544].

2.3.3. -аны (-он)/-яны.

Как отмечают исследователи, ойконимы с суффиксами *-аны/-яны* возникли на основе двух топонимических моделей литовского языка: *-ėnai*, *-onys* или от литовских антропонимических основ на *-onis*, *-ėnas*, освоенных в белорусском языке как основы *-он*, *-ен*. Суффиксы *-enas*, *-onis* являются патронимическими или образуют названия людей по месту жительства [Бірыла, Ванагас 1968: 36-38].

Крыкштаны. В основе ойконима лежит, вероятно, христианское имя типа: лит. *Kristijõnas* и *Kristus* [LPZ 1985: 1076].

Крушняны. Ойконим возник на базе литовского антропонима, ср. лит. *Krušinỹs*, *Krušnà*, вероятно, от лит. ап. *krušnùs* ‘хрупкий, ломкий’ [LPZ 1985: 1093].

Пабержаны. Ср. лит. *Pa-beržis*. Па – одна из самых распространенных приставок в литовском языке, которая используется и для образования антропонимов: *Pa-balỹs*, *Pa-*

piévis, Pa-šilyš. С основой *Berž-* в литовском языке зафиксированы следующие единицы: *Berž-aitis, Berž-as, Berž-ėlis, Berž-inis, Berž-inius, Berž-ỹs* [LPZ 1985: 243].

Чарлёна. В основе названия лежит антропоним литовского происхождения, ср. лит. *Čiurlionis < čiurlỹs* ‘стриж’ [LPZ 1985: 434].

3. Топонимы, образованные от христианских имен.

Часть основ названий данной группы соотносится с христианскими личными именами, которые приняты и православной, и католической церквями и полностью совпадают по звучанию: *Адамовічы* (: Адам, польск. Adam), *Алексічы* (: Алексей, польск. Aleksy), *Маркавічы* (: Марк, польск. Marek), *Марцінавічы* (: Мартин, польск. Marcin, Marta), *Міхалкаўшчына* < Михалко: Михаил, *Рамановічы* (: Роман, польск. Roman).

Значительная группа ойконимов восходит к православным именам, неизвестным в католической церкви, либо именам, соответствующим по звуковому оформлению православной именной системе: *Ількавічы* < Ілько < Ілія, *Мялешкі* < *Мялешка*: Мелетий, *Палуяны* < Палуян: Полиен, *Сямашкі* < Семашко : Симеон, *Ярмолічы* (: Ермолай), *Максімавічы* (: Максим), *Малахавічы* (: Малахия), *Зінякевічы* (: Зиновий, Зинон), *Іванавічы* (: вст.-слав. Иван: Иоанн), *Кур’янавічы* (: вст.-слав. Кириан, Кирилл), *Наумавічы* (: Наум), *Пракопавічы* (: Прокопий), *Цярэшкі* < Терешко: Терентий; *Бакунова* (Бакун : Аввакум), *Барысава* (Борыс: Борис), *Васількаў* (Василько: Василий), *Дзямідкава* (Демидко: Диомид), *Ходарава* (Ходор : Феодор).

Обращает внимание, что часть ойконимов, закрепивших названия шляхетских околиц, основанных в XVI в., также мотивирована православными личными именами:

Глебавічы. Ок.шл. *Федоръ Матфеевичъ Глебовичъ зъ села Глебовичъ* 1567 [ЛІМ 1914: 702]; *Mikolaj Hlebowicz* 1512 [SHN 1997: 111]; *Pan Bartłomiej Hlebowski z Hlebowicz* 1765 [АВАК 1874: 394]. Ср. вст.-слав. *Глеб*.

Занявічы. Ок. шл. *gruntow boiar Zaniewiczow* 1558 [ПКГ 1881: 478]. *Заневич Матфей* Слонимского пов. 1528, 241; польск. *Pan Dominik Zaniewski* 1765 [АВАК 1874: 423]. Ср. лит. *Zan-gailas, Zānas, Zanaitis, Zanāvičius* [Zinkevičius 2008: 165]. Ср. вст.-слав. церк. *Зинон*.

Ігнатавічы. Ок. шл. *Pan Jerzy Ignatowicz* 1765 [АВАК 1874: 394]. Ср. вст.-слав. *Игнат: Игнатий*.

Кузьмічы. Ок. шл. *Матей Богдановичъ Кузьмичъ* 1567 [ЛІМ 1914: 697]; *boiarom Kuzmic* 1558 [ПКГ 1881: 486]. Ср. ИС *Кузьма*: церк. *Косма*.

Радзівонавічы. Ок. шл. *Радивонович Олехно* 1528 [ПВЛ 2003: 326]; *Pan Marcin Radziwonowski* 1765 [АВАК 1874: 413]. Ср. вст.-слав. *Радзивон: Родион*.

В этой группе выделяются также ойконимы, образованные от славянских двучленных имен:

Нацевічы. Ср. русск. *Начеслав*, польск. *Naczęsław* [SHN 1997: 255]. Возможно, также образование от сокращенного христианского имени Нац: *Игнатий*, блр. *Игнацій*.

Некрашэвічы. В основе ойконима с отрицанием лежит славянское апотропеическое имя *Некрас*, ср. блр. *Некрас*; русск. *Некрас*, *Некраско*, *Некрасец*, укр. *Некрас* [Бірыла 1969: 298].

Пуцілавічы. В основе ойконима лежит одна из форм личного имени *Путила*, *Путило*, производных от славянских двусложных имен *Путислав*, *Путимир*.

Станевічы. Ок шл. *Мисюли Станевичъ з ыменя Станевичъ* 1567 [ЛМ 1914: 697]. Ойконим образован на базе личного имени *Станислав*, которое было одним из самых популярных по данным письменных памятников [Юркенас 2003: 35].

Обращают внимание названия, закрепившие эмоционально-оценочные формы с суффиксом -к-: *Віцькі* (*Wickowo*, *Wycicki*) < *Віцько* (: Виктор), *Данілкі* < *Данілка* (: Даниил), *Ількавічы* < *Ілько* (: Илия), *Міцкевічы* < *Міцька* (: Димитрий).

Спорадически зафиксированы ойконимы, мотивированные именами, принятыми католической церковью: *Малгажаты*, *Януэля*. Отмечены также названия, которые можно отнести как к христианским, так и дрезным славянским именам: *Мілкаушчызна*, ср. антр. *Милко*: церк. *Милый*, а также сложные имена типа польск. *Miłosław*, *Milogost*.

Отдельную группу составляют ойконимы от христианских имен, которые находят параллели в балтийских и германских языках:

Бершты. Ср. лит. *Berštis*, лтш. *Bērštis* [LPZ 1985: 241]; ср. также *Bēršteinas* < нем. *Bärenstein* [Gottschald 1954: 181].

Цыдзікі (Тидики Дидиковичи, Тидиковщизна). Ок. шл., основана ятвяжскими рыцарями в XVI в. [Wiśniewski 1977: 28]. Ср. лит. *Tidik-as*; др.-прусск. *Tyde*, *Tide*, *Thede*, *Tydeico*, *Tydenne*, *Tydico*, *Tydeko*, *Tidiko*, *Tyddika*, *Tidix*, с деминутивным суффиксом -ik: *Tydico*, *Tydeko*, *Tidiko*, *Tyddika*, *Tidix* [Trautmann 1925: 105], герм. имена *T(h)iiede(c)ke(n)*, *Thiedig*, *Ti(e)deke*, *Tietig* [LPZ 1989:1042].

Пралейкі. Ср. лит. антр. *Preleika*, *Praleikà*. В основе ойконима лежит, вероятно, христианское имя *Фрол* [LPZ 1989: 502].

Сцяпанішкі: *Степан*. Восточнославянская форма *Степан* образовалась от имени православного календаря в результате замены ф > п.

Ганцавічы. Ойконим восходит к антропонимам, ср. нем. *Ganz*, польск. *Ganc* или вторично от ср.-в.-нем. *gans* 'гусь'.

Каєневічы. В основе ойконима лежит христианское имя типа лит. *Kajėnas < Kajetėnas* [LPZ 1985: 890].

Мікелевічы. В основе ойконима лежит христианское имя типа лит. *Mikelaitis, Mikelėnas < Mikelis* [LPZ 1989: 228].

Пяцельчыцы. Ойконим восходит к христианскому имени *Petelis, Petel* (: *Pėtras*) [LPZ 1985: 434].

4. Гибридные топонимы. Среди гибридных названий можно выделить следующие типы: а) ойконимы с основой балтийского происхождения и суффиксом славянского происхождения; б) ойконимы с основой славянского происхождения и балтийским суффиксом; в) онимы, в которых один компонент славянский, а другой – балтийский.

4.1. Ойконимы с основой балтийского происхождения и суффиксом славянского происхождения:

-ичи. Бірулічы. В основе ойконима лежит антропоним апеллятивного происхождения, ср. лит. *Barùlis < barùs* ‘сварливый, бранчливый’ [LPZ 1985: 206].

Быльчыцы. Ок. шл. *Pan Antoni Bylczyński* 1765 [АБАК 1874: 416]. Ср. лит. *Bilčius*, вероятно, из лит. *bilčius* ‘шум, суэта; движение’ [LPZ 1985: 257].

Вербілавічы. Ойконим мотивирован антропонимом апеллятивного происхождения, ср. лит. *Virbylà, Verbylà*; лит. *vi□balas* ‘спица, пруток’, ‘стержень’.

Гердзавічы. Ср. лит. *Gird-*, польск. *Gerda, Gierdzej, Gierdko, Gierdo, Gierdziejewicz, Gierdziewicz* – от нем. *Gerard, Gerchard* [Rymut 1999: 233] или от лит. *Ge□džius*, ср. лтш. *Gerdiņš*, лит. *gerdas* ‘звук, слава, известность; слух, молва’ [LPZ 1985: 565].

Гібулічы. Ср. польск. *Gibas, Gybas < gibas* ‘высокий, стройный человек’, нем. *Gibs, Gibb, Gibbe* [Gottshald 1954: 281].

Гівеневічы. В основе ойконима лежит антропоним апеллятивного происхождения, ср. лит. *Gyvis < gyvas* ‘живой; бойкий, резвый’.

Гліндзічы. Ок. шл., основана ятвяжскими рыцарями в XVI в. [Wiśniewski 1977: 28]: *Стася Янковича а Миколая Петровича Кглиндича бояровъ господарскихъ 1555* [АБАК 1874: 7]. Ойконим, производный от антропонима апеллятивного происхождения, ср. др.-прусск.: *Glande* (1260, 1298), *Glandike, Glynde* (1394), *Glinde*; двучленные: *Ko-glinde, Ko-gland; Na-glindes, San-glinde* [Trautmann 1925: 47, 64, 88]; ср. лит. *Glindà < glinda* [LPZ 1985: 144].

Грандзічы. В основе ойконима лежит антропоним апеллятивного происхождения, ср. лтш. *Grudulis*, лит. *Grañdulas, Gruñdulas < grañdulas* ‘вид рыбы’ [LPZ 1985: 701].

Гудавічы (Гудзевічы). Ср. др.-прусск. *Gudeike, Guddenne* [Trautmann 1925: 36–37]; топ. *Gudeniten, Gudicus, Gudynyken* [Gerulis 1922: 46–47]; лит. *gudas* ‘белорус, поляк’.

Даўжычы. Ср. лит. *Daužis*, лтш. *Daužītis, Daužas, Dàuziņi* [LPZ 1985: 475].

Ёдкавічы (Юдкавічы). *Ёдкавічы Вялікія, Ёдкавічы Малыя*. Ок. шл. основана ятвяжскими рыцарями в XVI в. [Wiśniewski 1977: 28]: *gruntow boiar Jodkiewiczow* 1558 [ПКГ 1881: 478]. Ср. лит. *Juodaitis, Juodėlis, Juodeikà* < *júodas* ‘черный’ [LPZ 1985: 857-860]. Ойконим восходит к краткому литовскому антропониму *Jódka (Jódkas)*, образованному на базе древнего сложного имени: *Jó-daugas* [Zinkevičius 2008: 310]. По мнению исследователей, первый компонент соотносится с гнездом родственных слов: лит. *jóti* ‘ехать (верхом)’, лтш. *jāt* то же, ст.-слав. *jachati, jadq*, др.-инд. *yā* ‘идти, ходить, ехать’, *yānas* ‘путь, дорога’ [Юркенас 2003: 73]. Второй компонент связан с гнездом родственных слов: лит. *daũg* ‘много’, лтш. *daudz* то же, гот. *daug* ‘годится’ [Юркенас 2003: 113]. Согласно другой точке зрения, антропоним восходит к лит. *júodas* ‘черный’, лтш. *juõds* ‘злой дух, лесной дьявол’ [LPZ 1985: 197]; ср. др.-прусск.: *Jode, Jodeyko, Jodenne, Joduko, Jodute* [Trautmann 1925: 39].

Кудрычы (Кудраўшчызна). Ок. шл. *Oth gruntow boyar Kudrycz* 1765 [ПКГ 1881: 29]; [АВАК 1874: 404]. Ср. польск. *Kudra, Kudrawka, Kudrawskie, Kudrelik, Kudryno*; ср. лит. *kūdra* ‘пруд’, ‘подмокшее место, поросшее кустами’ [Kondratiuk 1985: 44, 127-128]; ср. также лит. *kudrỹs* ‘вор; мошенник, плут’, ‘шалун, сзорник’ [LPZ 1985: 1103]. Ср. польск. *Maciej Kudra* 1573, *Stas Kudr(z)ucki* 1578 [ШТН 1997: 190]; др.-прусск. *Kvdir, Kwdir Kwder*, лит. *Kudrus* [Trautmann 1925: 49].

Мейставічы. В основе ойконима лежит антропоним апеллятивного происхождения, ср. лит. *Meĩstas* < *meĩšti* ‘мешаться, смесиваться; вмешиваться’ [LPZ 1989: 201].

Радзівілавічы (Радзівіланчы). Ок. шл. *Шумко Янковичъ з Радивиловичъ* 1567 [ЛМ 1914: 711]. Ср. др.-прусск. *Rad-e-wille* [Trautmann 1925: 83], лит. *Rad-vilà, Rad-vylà, Radz-i-vilas*, лтш. *Rad-vils* [LPZ 1989: 554].

Рыдзелевічы. В основе ойконима лежит антропоним апеллятивного происхождения, ср. лит. *Rýdelis*, лит. *ridėlis* ‘редис’, нем. *Riedel*, польск. *Rydel* [LPZ 1989: 605].

Скелдычы. Д. шл. *Poddanych p. Skinderowych Skieldicow* 1558 [ПКГ 1881: 247]. Ойконим восходит к антропониму апеллятивного происхождения, ср. др.-прусск. *Chelde, Schelden*; лит. *Skeldos* [Trautmann 1925: 93]; *Skelta, Skeltỹs* < *skėlti* ‘колоть’, ‘свистнуть, треснуть’, ‘высекать’, *skėldinti* ‘поручить колоть’ [LPZ 1989: 735].

Тарусавічы. *Tarusa* – название рода литовской шляхты, проживавшей в н.п. *Тарусы* [Kondratiuk 1985: 74]. Компонент *Tar-* является очень древним, отмечается в гидронимии, топонимии, антропонимии, гидр. лит. *Taruškai*, иллир. *Tarus*, русск. *Таруса* (река бассейна Оки) [Топоров, Трубачев 1962: 210]; лтш. *Tara, Tar-upė* [Vanagas 1981: 340]. Антропооснова *Tar-* соотносится литовскими исследователями с гнездом родственных слов: лит. *taĩti* ‘произносить, говорить’, др.-прусск. *tarin* ‘голос’, ср. сложные литовские

имена с компонентом *Tar-*: *Tār-a-bildas, Tār-butas, Tār-putas, Tār-talas, Tār-taras, Tār-tilas, Tār-vainas, Tār-vidas, Tār-vydas, Tār-vilas, Tār-vinas, Tār-vitas; Aũ-taras, Daũ-taras, Geĩs-taras, Gĩn-taras, Kẽ-taras, Lik-taras, Mã-taras, Mẽš-taras, Mĩl-taras, Nãs-taras, Nẽs-taras, Nó-taras, Pã-taras, Šan-taras* [Zinkevičius 2008: 147–148]; др.-прусск. *Geis-tarre, Gyn-tarre, Potare, San-tar, Wi-tar, Tar-oth* [Trautmann 1925: 152].

Трычэвічы. Ойконим образован на базе апеллятивного антропонима балтийского происхождения, ср. лит. *Tričius, Tričas, Tričỹs*, от ап. *tričas* ‘горячий; пылкий, страстный человек’ [LPZ 1989: 1067].

Цвіклічы. В основе ойконима лежит, вероятно, имя апеллятивного происхождения, ср. лит. *Cviklỹs, Sviklius* < *sviklas* [LPZ 1985: 396]; ср. также нем. *Zwick, Zwicki, Zwicke, Zwickel* [Gottschald 1954: 630].

Чурылавічы. Оним мотивирован антропонимом апеллятивного происхождения, ср. лит. *Čiūra (s) → Čiūr-ėnas, Čiūr-ilà* < *čiur-ėnti* ‘струиться’, *čiurà* ‘пакса’ [Zinkevičius 1977: 131].

Шлумпичи. Ойконим является производным от литовского антропонима типа: *Šliumpa, Šliumpà* < *šliumpa* ‘тот, кто медленно ходит’, *šliu* ‘медленно, неуклюже идти’ [LPZ 1989: 957].

Спорадически отмечены также ойконимы на *-аки*: **Скраблякі.** В основе названия лежат литовские антропонимы типа: *Skrobłà, Skròblas, Skroblis* < *skròbla, skrobłà, skròblas* ‘граб’ [LPZ 1989: 751].

4.1.1. -ово, -овка, -щина/-овщина/-евщина, -ин/-ина. Гибридные ойконимы, в которых представлена основа балтийского происхождения и славянские possessive-форманты *-ово, -овка, -щина/-овщина/-евщина, -ин/-ина*:

Бурнева (Бурнеў Бурнішкі). Ок. шл. *Щасный Новицкий Ейсимонтъ з ыменя Бурневы* 1567 [ЛМ 1914: 685]. *Бурнейкович Станислав* Жамойтской земли 1528, 206; *Okolica Burniew* 1765 [АВАК 1874: 418]. Ср. лит. антр. *Burnus, Burnỹs, Burneyko* < *burnà* ‘рот’ [LPZ 1985: 359], ср. блр. фамилии: *Бурнейка, Бурновіч, Бурнас, Бурнасаў, Бурнасенка*.

Рымуцева. В основе названия лежит балтийский антропоним, ср. лит. *Rimùtis* < *Rimas* < *ramùs* ‘спокойный, тихий’, *romùs* ‘кроткий’, *rìmti* ‘успокаиваться’, др.-прусск. *rāms* ‘спокойный, благонравный’, д.-в.-н. *rama* ‘поддержка, опора’; ср. лит. антр. *Rameikà, Ramėlis, Ramilis, Ramokas*, др.-прусск. *Ramico, Romico, Romeyke, But-rymte*; лтш. *Rammulen, Ramate, Rame, Ramecke, Ramicke, Rimate, Rische, Rimune*; герм. *Ramo, Ramia, Rame-rich, Rimo, Rim, Rimicho, Rim-bert, Rimi-ger, Reme-gaud* [Юркенас 2003: 62].

Коматава (Хоментово). Ср. лит. *Kā-mantas, Kā-mentas, Kā-mintas* [Zinkevičius 2008: 99]; др.-прусс. *Ku-munt* [Trautmann 1925: 45]. Возможно, ойконим восходит к ятвяжскому антропониму Комат (Кумат) [Kondratiuk 1985: 44].

Курпіёва (Курпікі). В основе названия лежит балтийский антропоним апеллятивного происхождения, ср. лит. *Kūrpis < ku□pius* ‘сапожник, башмачник’ [LPZ 1985: 1136].

Пілкава. Ойконим образован на базе литовского антропонима апеллятивного происхождения, ср. лит. *Pilkas, Pilkis, Pilkaitis, Pilkiõnis, Pilkāvičius, Pilkēvičius, Pilkāuskas* [Zinkevičius 2008: 562] – от лит. *pilkas* ‘серый’, *pilkaplaũkas* ‘сероволосый’.

Шэмбелева. Ср. лит. *Še□belis, Šėmbelis*, ср. нем. *Schönball* [LPZ 1989: 908].

Войс-нар-ск-ое (Уснар, Овснар). *Петръ Игнатовичъ з ыменя Войснарскаго*. Ср. др.-прусс. *Wais-nor* [Trautmann 1925: 114]. В основе ойконима лежит древнее двучленное имя индоевропейского типа, ср. др.-прусс. *Wais-nor, Ways-nar, Ways-nor, Wayss-nore, Wayssenore, Wais-nure*; ср. лит. *Vaĩs-noris*. Западнобалтийский характер имени выявляется в оппозиции к восточнобалтийскому Войс-/Войш-, ср. *Войш-нар-ович < ‘vaišių nogi*’ (тот, кто хочет угощения) [LPZ 1989: 223]. Второй компонент *Nar-* связан с группой родственных слов: лит. *nāras* ‘топкое место; глина’, *nėrti* ‘нырять; мчаться, нестись’ [LPZ 1989: 223; 355].

Далкнеўшчызна. Ср. польск. *Tolkinie, Tolkacze, Tolkienicha*, антр. *Tolkiń* [Kondratiuk 1985: 75, 185], ср. лит. антр. *Taukinis* (: *taukinis* ‘сальный, жировой, жирный, замасленный’ [LPZ 1989: 1029].

Юндзілаўшчызна. Ойконим образован на базе антропонима *Юндил*, основа которого находит соответствие в древнеевропейской антропонимии, ср. др.-прусс. *Jonde, Jundike, Jundil, Jundithen, Jundac (Junde), Jundultis, Jundulas, Jundalas, Jundir* [Trautmann 1925: 40–41]; др.-инд. *Yudha, Yudhi, Yuddhi-sthira – sthira* ‘твердый, потоянный’; *ji* ‘побеждать, обуздывать’. К этому же гнезду родственных слов относятся: лит. *judėti* ‘двигаться’, *judinti* ‘двигать’, *jūsti* (*junta, juto*) ‘чувствовать’, *jaudinti* ‘беспокоить’; *jūsti* (*jundù, judaũ*); др.-инд. *yūdhyate* ‘борется’, *yudh* ‘борьба’. Ср. имя ятвяжского князя – *Юндиль* [Būga 1961:137].

Спорадически отмечены ойконимы на *-овцы*: **Сыруцеўцы** – наименование от сокращенного двучленного личного имени балтийского происхождения *Sir-utis*, ср. балтийские антропонимы с компонентом *Sir-*: др.-прусс. *Sir-gaude, Sir-wille; Sirenas, Sirotte* [Trautmann 1925: 150]; лит. *Sir-butas, Sir-daugas, Sir-gailas, Sir-gedas, Sir-gilas, Sir-girdas, Sir-mantas, Sir-tautas; Saĩ-siras* [Zinkevičius 2008: 134].

4.2. Ойконимы с основой славянского происхождения и балтийским суффиксом представлены единичными примерами: *Казейкі* (Казеі) < *Kazimierz, Kazimir*.

4.3. Ойконимы от двучленных имен индоевропейского типа, в которых один компонент славянского происхождения, а другой – балтийского:

Пачабуты. Ок. шл., основана ятвяжскими рыцарями в XVI в. [Wiśniewski 1977: 28]. Ср. лит. *Počobutas, Počebutis, Pačebùtas*, польск. *Poczobut* [Rymut 2001: 259], блр. *Пачабут, Пачабыт* [Бірыла 1969: 319]. Первый компонент находит соответствие в двучленных славянских именах: ст.-чеш. *Pače-mil, Pače-mira, Pače-slav*, ср. наречный компаратив ст.-слав. *pače* ‘больше’ [Milewski 1969: 99], русск. *паче* ‘более, тем более вяще, особенно; лучше’ [Даль, III, 1980: 26]. Второй компонент *But-* входит в состав сложных антропонимов, зафиксированных во многих индоевропейских языках: др.-инд. *Bhūti-data*; герм. *Bu-man, Bu-rad*; лит. *Bùt-manas, Bùt-minas, Bùt-noras, Bùt-rimas, Bùt-vydas, Bùt-vilas; Dar-butās, Eì-butās, Gìm-butās, Kāri-butās, Nār-butās*; др.-прусск. *Buti-gede, Buti-labs, But-rymme, Alse-but, Darge-but, Ey-buth, Gede-buth, Kay-buth, Mase-buth, Prey-bute, Twir-bute, Wayne-but, Wayse-buth* [Trautmann 1925: 21-22, 134]; польск. *Buta, But-aj, But-ka, Butkus, But-oka, But-owicz* [Rymut 1991: 93]; русск. *Бут, Бутай, Бутак, Бутас, Бутень, Бутрим, Бутус; Бут, Бутак, Бутень, Бутиков, Бутков, Бутриков* [Веселовский 1974: 57]; блр. *Бут, Бутко, Бутыч, Бутэнка, Буткевіч, Бутоўскі, Буткоўскі* [Бірыла 1969: 72].

В словаре литовских фамилий антропонимы с корнем *But-* рассматриваются как имена, возникшие на базе гнезда родственных слов: *būti* ‘быть’, *būtis* ‘бытие’, *būtas* ‘квартира’, ст.-слав. *byti*, др.-инд. *bhūtiṣ* ‘бытие, хорошее состояние’; др.-ирл. *buih* ‘бытие’ [LPZ 1985: 144]. А.В.Суперанская возводит антропонимы с корнем *Бут-* к следующим словам: *бут* ‘полный’, *бутеть* ‘толстеть’, *бутеня* ‘пузан, толстяк’, *бутус, бутуз* ‘толстяк, коротыш; новгор. упрямец, неслух’; антропоним *Бутас* объясняется словом *бутаситься* ‘рваться, метаться’; СИ *Бутрим* сопоставлено с апеллятивом *бутрим* ‘упрямец, строптивый’ [Суперанская 1998: 138]. Польские антропонимы с компонентом *But-* К.Рымут интерпретирует с помощью апеллятивов *bucić się* ‘важничать’, *buta* ‘гордыня’ [Rymut 1999: 64]. СИ *Butrym* 1487, *Poczobut* рассматриваются К.Рымутом как единицы литовского происхождения [Rymut 1999: 64; 2001: 259]. Как отмечает Ю.Юркенас, компонент *But-* широко представлен в составе балтийских сложных антропонимов индоевропейского типа. На территории Литвы отмечено значительное количество ойконимов с компонентом *But-*: *But-rimai, But-vyd-ónis, Bùt-vilai*, и др. [LTSR 1976: 47]. При этом в системе славянских древних сложных антропонимов основа *But-* не зафиксирована. Все имена, отмеченные в антропонимических словарях славянских языков в качестве этимона компонента *But-*, представляют собой заимствованные слова [Фасмер, I, 1964: 252-253]. Таким образом, можно согласиться с мнением Ю.Юркенаса о том, что

антропооснова But- «вошла в славянскую антропонимию в результате контактирования балтийской и славянской антропонимических систем» [Юркенас 2003: 147].

Выделяются также составные наименования, в которых одна часть балтийская, а вторая славянская: *Вялікія Эйсманты, Малыя Эйсманты*.

5. Неясные и двусмысленные ойконимы.

Согласно Ю.Юркенасу, «формальное сходство отдельных единиц, возникших на базе разных апеллятивов, как правило, влечет за собой процесс конвергенции. Поэтому в антропонимии можно выделить определенное количество компонентов, которые с одинаковой степенью вероятности могут быть отнесены к двум (и более) онимическим явлениям. В одних случаях предпочтение можно отдать одному из предполагаемых источников. В других случаях оба источника могут рассматриваться как равноценные. В третьих случаях соответствующие СИ можно воспринимать как результат сближения антропонимических рядов» [Юркенас 2003: 191].

Отмечаются неясные и двусмысленные названия, которые можно интерпретировать как результат сближения онимических рядов:

Запавічы (*Żorowicze*, в XIX в. – Рэпавічы). Ок. шл., основана ятвяжскими рыцарями в XVI в. [Wiśniewski 1977: 28]; *Hrisko, Iwaszko + Danilo Zopowici* [ПКГ 1881: 25]. Ср. др.-прусск. *Sapelle, Zapel, Sapke* [Trautmann 1925: 90]; ср. также ятв. гидр. *Zāp-sė, Zap-sỹs* (оз.), лит. гидр. *Žėp-la*: лтш. (видимо литуанизм из-за *ž*) *žap-k-as* ‘лужи на болоте’ (гидр. показывают балтийскую апофонию **žap-/ *žėp-*), далее авест. *gafya* ‘бездна, пропасть’, др.-инд. *hār(h)ikā* ‘зевать, зиять’ [Савукина 1966: 170].

Кудрычы. Ок. шл.: *Oñ gruntow boyar Kudrycz* 1765 [ПКГ 1881: 29]; [АВАК 1874: 404]. Ср. лит. *kūdra* ‘пруд’, ‘подмокшее место, поросшее кустами’ [Kondratiuk 1985: 44, 127-128]; ср. также лит. *kudrỹs* ‘вор; мошенник, плут’, ‘шалун, озорник’ [LPZ 1985: 1103]; др.-прусск. *Kvdir, Kwdir Kwder*, лит. *Kudrus* [Trautmann 1925: 49]. Другим источником антропонимов, возможно, является ряд единиц, представленных в славянских языках: бел. *Кудра, Кудрук, Кудрыцкі, Кудрыс* [Бірыла 1969: 226]; русск. *Кудрин* < *Кудря* < *кудрявый* [Парфёнова 2005: 226-227].

Кулікі. Ок. шл.: *Опанась Куликовичъ з села Куликовского* 1567 [ЛІМ 1914: 698]; польск. *Woysiech Kulikowski* 1662 [SHN 1997:193]. В качестве одного из источников образования имени З.Зинкявичюс предлагает сложные антропонимы балтийского происхождения: *Kū-butās, Kū-dabas, Kū-daras, Kū-gaudas, Kū-gelas, Kū-karas, Kū-kuras, Kū-likas, Kū-metas* [Zinkievičius 2008: 104]. Другим источником могли послужить имена прозвищного типа, зафиксированные в славянских языках: бел. *Кулік, Кулікоўскі*, рус. *Куликов* < *кулик*

‘болотная птица’, ‘пьяница’, ‘глупый, простоватый, недогадливый человек’ [Парфенова 2005: 229].

Мігава. Ср. блр. *Miga, Migai, Migun*, русск. ап. *мигун* ‘тот, кто часто моргает’ [Бірыла 1969: 284]; лит. *Migis, Migys* – от лит. ап. *miegālius* ‘соня’ [LPZ 1989: 225].

Міхнішкі. Ср. лит. *Michnius, Miknius* < *miknà, miknius* ‘заика’ [LPZ 1989: 230]. Ср. также бел. *Міхно* : *Мухаил* [Бірыла 1966: 123]; польск. *Michna, Michno* < *Mikolaj* [SSNO, III, 456-457].

Манькевічы. Ср. русск. *Моня*, блр. *Моня*, ап. *моніць* ‘звать, призывать’; ср. также лит. древнее сложное имя *Man-kantas* [LPZ 1989: 155].

Саванева (Sowoniewo). Одним из источников образования ойконима могло послужить древнее литовское сложное имя *Só-vaitis*, ср. производные от данной единицы краткие имена: *Sóva, Sovà, Sovónis; Sovickis* [Zinkevičius 2008: 319]. Другим источником образования антропонима мог быть апеллятив *саван*, др.-русск., ч.-слав. *савань* через греч. *sabanon* из семит., ср. араб. *sabanijjat* – «ткань, которая вырабатывалась в Сабане под Багдадом» [Фасмер, III, 1971:542].

Сарасекі. Ок. шл., основана ятвяжскими рыцарями в XVI в. [Wiśniewski 1977: 28]: *Pan Jakub Sarosiek* 1765 [АВАК, Т. VII, 401]. Основа *Sar-* соотносится с краткими литовскими именами *Sarys, Sarulis*, образованными на базе сложных антропонимов с первым компонентом *Sar-*: *Sar-gaudas, Sar-gaitas, Sar-gedas, Sar-gelas, Sar-manas, Sar-palas* [Zinkevičius 2008: 132]. Данная антропооснова является очень древней, она представлена в антропонимии, топонимии и гидронимии. Ср. лит. антр. *Sarys, Sarolis, Sarulis*; нем. *Sar, Saro, Sahr, Saar* (e), *Sarre* [LPZ 1989: 678], др.-прусс. *Sarecka, Sarginus, Sarybod, Sarchz, Sarticke, Sartune, Sarone* [Trautmann 1925: 90]; кельт. *Sorillus, Sorinus, Soris, Sorrius, Sorus* [Юркенас 2003: 130]; гидр. лит. *Sarià*, лтш. *Sarija, Sarupe* [Vanagas 1981: 291]. Возможным источником антропонимов с основой *Sar-* ученые считают этимологический ряд, единицы которого содержат и.-е. корень, обозначаемый символом **ser-/sreu* ‘течь, бежать’. Другим источником могла быть группа родственных слов, возникших на базе и.-е. **ser-/sor-* ‘красный’, ср. лтш. *sarkans* ‘красный’, лит. *sartas* ‘буланный’, *ser-b-entà* ‘смородина’ [Юркенас 2003: 130].

Онимы балтийского происхождения на территории, где балтийские языки вышли из употребления, подверглись славянизации. При освоении славянскими языками часть онимов балтийского происхождения была адаптирована, а другая часть включена в белорусскую онимическую систему в той форме, в которой наименования использовались в балтийских языках. При адаптации преобразовалась в первую очередь конечная часть ойконима: блр. *Дайліды* (: лит. *Dailidès*); *Трумпы*, ср. лит. *Trūmpaičiai*. Произошло

изменение фонетического облика онимов: а) монофтонгизация дифтонгов: *Ёдкі* (: лит. *Juodkaĩ*); б) изменение *d* → *dz* перед гласным переднего ряда как результат известной особенности белорусского произношения: *Радз-і-віл-авічы*, ср. лит. топ. *Radvilaĩ, Radviliaĩ; Гудзевічы*, ср. лит. топ. *Gudaĩ, Gudeĩkai*.

В составе онимов сохранились многие литовские суффиксальные морфемы: а) с элементом *-l-*: *-уль* < *-ulis*: *Бірулічы*, ср. лит. *Barùlis*; *-ель* < *-elis, -ėlis*: *Petel-czyce*, ср. *Petelis; Мікелевічы*, ср. лит. *Mikelis*; б) с элементом *-t-*: *-уць* < *-utis*: *Syrucioyce* < лит. *Sirutis*; *-унт* < *-unt*: *Дарг-унд-ы* (Даргунты); в) с элементом *-k-*: ойконимы на *-эйка* < *-eika*: *Пралейкі*; г) с элементом *-n-*: *-ен-* < *-ėnas*: *Гівеневічы*, *-он-* < *-onys*: *Чарлёна*.

Заимствованные имена претерпели в процессе усвоения ряд фонетических изменений, большинство из которых обусловлены особенностями, общими для славянских языков. Некоторые изменения порождены процессами, которые характерны только для белорусского языка или его диалектов.

Часть ойконимов восходит к сложным антропонимам индоевропейского типа: *Даўспуды, Радзівілы, Эйсманты, Вайс-нар-скае*. В балтийской онимии единицы такой структуры рассматриваются как исключительно архаические образования.

Отдельную группу составляют гибридные балто-славянские наименования, типичной особенностью которых является славянское оформление балтийских основ, что соответствует этническим отношениям и хронологии освоения данной территории, ср. [Топоров, Трубачев 1962: 21].

Проанализированные источники отражают широкое взаимодействие антропонимических и топонимических систем. Процессы адаптации, гибридизации, сближения онимических рядов нужно рассматривать как результат многовекового культурного асимметрично-интеграционного процесса их носителей и потомков. Онимия Гродненщины является свидетельством тесных балто-славянских языковых и культурных контактов. Важную часть составляют онимы балтийского происхождения от родовых имен или фамилий рыцарских родов, многие из которых содержат западно-балтийские элементы. Значительная часть онимов балтийского происхождения сохранилась на исследуемой территории в составе белорусских фамилий.

ИСТОЧНИКИ

АВАК Акты издаваемые Археографической Виленскою комиссией для разбора древних актов: в 39 т., 1874, Вильна. Т. 7: Акты Гродненского гродского суда.

ПВЛ Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года, 2003. (Метрыка Вялікага Княства Літоўскага; кн. 523). Мінск.

ПКГ Писцовая книга Гродненской экономии с прибавлениями: в 2 ч., 1882 / Вилен. комис. для разбора древ. актов. Вильна. Ч. 2.

ЛМ Литовская метрика. Отд. 1–2. Ч. 3. Т.1. Книги публичных дел. Юрьев, 1914.

Jakubowski J., 1928, Mapa Wielkiego Księstwa Litewskiego w połowie XVI wieku: 1 : 600 000. Kraków.

Jakubowski J., 1935, Powiat grodzieński w w. XVI [in:] Prace Komisji Atlasu Historycznego Polski. Z. 3. Kraków. S. 99–114.

СЛОВАРИ

Веселовский С.Б., 1974, Ономастикон: древнерус. имена, прозвища и фамилии. Москва.

Даль В.И., 1978 – 1980. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва.

Жучкевич В.А., 1974, Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск.

Парфенова Н.Н., 2005, Словарь русских фамилий конца XVI – XVIII вв. (по архивным источникам Зауралья). Москва.

Фасмер М., 1964–1973, Этимологический словарь русского языка: в 4 т.; пер. с нем. О.Н. Трубачева. Москва.

LPZ Lietuvių pavardžių žodynas, 1985–1989, red. A.Vanagas, V. Maciejauskiene, M. Razmukaite. Vilnius. – 2 t.

LTSR Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinyras, 1976. Vilnius. – 2 d.

SSNO Słownik staropolskich nazw osobowych, 1965–1987, red. W.Gaszycki. Wrocław. 7 t.

SNW Słownik nazwisk współcześnie w Polsce używanych, 1992–1994 / Wyd. K. Rymut. Kraków. 10 t.

SHN Abramowicz Z., Citko L., Dacewicz L., 1997–1998, Słownik historycznych nazw osobowych Białostoczczyzny (XV – XVII w.): w 2 t. Białystok.

Gerulis G., 1922, Die altpreußischen Ortsnamen Berlin-Leipzig.

Gottschald M., 1954, Deutsche Namenkunde. Unsere Familiennamen nach ihrer Entstehung und Bedeutung. Berlin.

Rymut K., 1999 – 2001, Nazwiska Polaków: słownik hist.-etymologiczny. Kraków. 2 t.

Trautmann R., 1925, Die altpreußischen Personennamen. Göttingen.

Vanagas A., 1981, Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius.

ЛИТЕРАТУРА

Бірыла М.В., 1969, Беларуская антрапанімія: [у 3 ч.]. Ч. 2. Мінск.

Бірыла М.В., Ванягас А.П., 1968, Літоўскія элементы ў беларускай анамастыцы. Мінск.

Суперанская А.В., 1998, Словарь русских личных имен. Москва.

Непокупный А.П., 1974, Балтизмы белорусского Понеманья [in:] Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų darbai. Kalbotyra. T. XXV (2). С. 69–79.

Непокупный А.П., 1976, Балто-севернославянские языковые связи. Киев.

Савукинас Б., 1966, К проблеме западнобалтийского субстрата в югозападной Литве [in:] Baltistica I (2).

Топоров В.Н., Трубачев В.Н., 1962, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья; отв. ред. Н.И. Толстой. Москва.

Юркенас Ю., 2003, Основы балтийской и славянской антропонимики. Вильнюс.

Būga K., 1958–1962, Rinkiniai raštai. Vilnius. 3 t.

Kłoskowska A., 1996, Kultury narodowe u korzeni. Warszawa.

Kondratiuk M., 1985, Elementy bałtyckie w toponimii i mikrotoponimii regionu Białostockiego. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź.

Milewski T., 1969, Indoeuropejskie imiona osobowe. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź.

Safarewiczowa H., 1956, Nazwy miejscowe typu Mroczkowizna, Klimontowszczyzna. Wrocław.

- Sawaniewska-Mochowa Z., Zielińska A., 2007, Dziedzictwo kultury szlacheckiej na byłych Kresach Północno-Wschodnich Rzeczypospolitej. Warszawa.
- Wiśniewski J., 1977, Osadnictwo wschodniej Białostoczczyzny: geneza, rozwój oraz zróżnicowanie i przemiany etniczne [in:] Acta Baltico-Slavica. T. XI. S. 7–80.
- Wiśniewski J., 1964, Rozwój osadnictwa na pograniczu Polsko-Rusko-Litewskim od końca XIV do połowy XVII w. [in:] Acta Baltico-Slavica. T. I. S. 115–135.
- Zinkevičius Z., 1977, Lietuvių antroponimika: Vilniaus lietuvių asmenvardžiai XVII a pradžioje. Vilnius.
- Zinkevičius Z., 2008, Lietuvių asmenvardžiai. Vilnius.

Deantroponymic names in the Belarusian-Polish frontier

Summary

The article analyzes deantroponymic toponyms of Grodno land, recorded in written materials of XV – XVII centuries in comparison with current data. The origin, structure and evolution of the areal features of Slavic and Baltic names is investigated to conform to the language, cultural and historical features of the region. Baltic names in the investigated territory in the form of phonetic and morphological substitution are the evidence of close Balto-Slavic linguistic and cultural contacts.

Key words: proper names, ancient anthroponymy, oikonymy, semantic, Balto-Slavic language contacts.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУМ